

Виктор Рассохин
Сергей Рассохин

*Посмертный
обыск*

Драматическая поэма
об А.С. Пушкине

•

Российская Федерация
Орёл, 2010

ББК 63.3(2)64

Р 24

Виктор Рассохин, Сергей Рассохин
Р 24 Посмертный обыск. Поэма. — Орёл,
2010. — 36 с., ил.
ISBN

*Цензура имеет многовековую историю.
Её проявление бывает низшего и высшего
толка.*

*Читатель увидит в произведении души-
тельницу мысли на примере Пушкинского
наследия.*

*С прогрессом цивилизации она не утра-
тила своей хищной хватки.*

ББК 63.3(2)64

ISBN

© В.В. Рассохин, 2010

© С.В. Рассохин, 2010

Подписано в печать 27.06.2010 г. Формат 70х90^{1/32}.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. п. л. 1,32.

Тираж экз. Заказ №

Отпечатано с готового оригинал-макета в

Посмертный обыск

(Драматическая поэма)

ВОСПОМИНАНИЕ

*О милых спутниках,
которые наш свет
Своим сопутствием для нас
животворили,
Не говори с тоской: их нет;
Но с благодарностию: были.*

*Василию Андреевичу Жуковскому —
спасшему и сохранившему для
потомства архив Александра
Сергеевича Пушкина*

В.А. Жуковскому — благодарная Орловщина

К.К. Данзас

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Дубельт Леонтий Васильевич — генерал,
начальник штаба корпуса жандармов.

Жандармский офицер.

Николай I — царь.

Адъютант царя.

Бенкендорф Александр Христофорович —
граф, шеф корпуса жандармов.

Жуковский Василий Андреевич — поэт.

Вяземская Вера Фёдоровна — княгиня,
жена поэта Вяземского.

Пушкина Наталья Николаевна — вдова поэта.

Гончарова Александра Николаевна — её сестра.

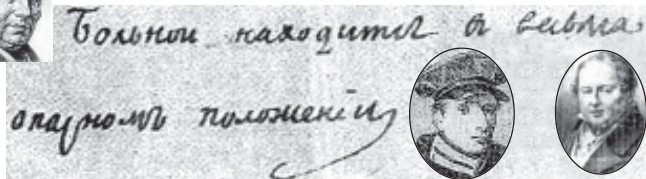
Жена Дубельта.

Булгарин Фаддей Венедиктович —

писатель и журналист, агент Третьего отделения.

Действие в Петербурге.

В.А. Жуковский о раненом поэте

В.И. Даль

Н.Ф. Арндт

СЦЕНА I

Кабинет канцелярии.

Д у б е л ь т

Ну, что там камер-юнкер?

Ж а н д а р м с к и й о ф и ц е р

Не жилец.

Д у б е л ь т

Я не о том. Об этом пуля знала.

Обидно, что толпу привлёк свинец.

А где толпа — там станови капрала.

Ж а н д а р м с к и й о ф и ц е р

Дежурят-с.

Д у б е л ь т

Проследить!

Мороз пока не лезет под шинели?

Мальчишки... Пистолетов разрядить

При ненависти дикой не сумели.

Офицер удаляется. Генерал, бросив чьё-то «Дело» на стол, подходит к окну.

Допрыгался: то с севера на юг,
 То Грецию воспел, то Пугачева...
 Насмешек не прощает Петербург,
 Тем более — кощунственного слова.

Казалось бы, довольно декабря:
 Не тронули ни пыткой, ни острогом.
 Но где там? Обезличивал царя.
 И Фотия позорил перед богом.

Редчайшая расхристанность души
 При кошельке без шороха и звона.
 Резвился на журнальные гроши
 И оные... выклянчивал у трона.

Не понимают люди, что к чему,
 Виня других, в свои же лезут сети.
 А крест один и дури, и уму,
 К тому же — каждый смертный на бюджете.

СЦЕНА 2

Зимний дворец. Николай I после известия. Про-
 раживается в раздумье.

Горяч... Горяч... По нашим-то снегам!!!
 Летят с копыт фельдъегерские кони.
 Легко курить свободе фимиам,
 Как будто ей препятствуют на троне.

Не думал, что придётся мне писать
Прискорбную, но важную бумагу.
Ах, да... Печать. На кабинет — печать.
Чернь любопытна. Обелит беднягу.

Певец был с бунтарями заодно.
Их дух делил... И знаю не по слухам.
Но... будет о покойнике... грешно.
Январская земля не станет пухом.

Вызывает адъютанта, держа пакет.

А д ъ ю т а н т

Слушаю, Ваше Величество!

Н и к о л а й I

Для Бенкендорфа.

Адъютант вытягивается в струнку.
Щёлкает каблуками.

СЦЕНА 3

Приёмная зала. Бенкендорф читает сначала про себя, потом вслух:

«Пушкин умер. Я приказал Жуковскому приложить свою печать к его кабинету и предлагаю Вам послать Дубельта к Жуковскому,

чтобы он приложил жандармскую печать для большей сохранности. По истечении восьми дней эти два лица могут снимать печати, и Жуковский разберёт бумаги».

Понятно. Но Жуковский-то зачем?
Наследника учил... А это ж ДЕЛЮ!
И Отделенью жарко от поэм.
Воспоминаньям время, что ль, припело?

Певец «Светланы» может под конец
Секреты вскрыть в порыве откровенья.
Не от него ль талантливый юнец
Принял портрет, как знак благословенья.

Но воля божья! Учит — седина,
Научит и последняя квартира.
Тут выбитая лира не слышна,
А что его расстроенная лира?!

У Дубельта к тому ж собачий нюх,
Изучит всё от запятой до точки.
Работает и действует за двух.
Ох, шельма! Увильнул от одиночки!

Поголубел, царёв паёк ценя,
И, хищную повадку соблюдая,
Случись ведь что — допросит и меня,
Блеснёт улыбкой: служба, мол, такая...

СЦЕНА 4

Квартира Пушкина.

Дубельт

Василь Андреич! Как вам тяжело!
Да и меня до слёз волнуют строки:
Отечество нам Царское Село...
Хотя я там не бегал на уроки.

У траура — пощады не проси,
Приходит он, сердца и лица старя,
Но, чтоб сияло солнце на Руси,
И нам пришёл совет от государя.

Пока от кривотолков пользы нет,
Клянут Дантеса за пристрастье к юбке.
...Приложим-ка печать на кабинет.
И заварил же кашу камер-юнкер!

Жуковский

Да, утонул в житейских мелочах:
Долги, балы и письма безымянны...

Дубельт

Мне говорят, что беллетристы странны:
Не пишут утром, больше — при свечах.

Жуковский

Причуды есть. Кто в мире без причуд?
Душа пуста — преуспевают тело.
По-моему, не затерялся б труд,
А как писался — в этом, что ли, дело?!

Не боязно вам заходить сюда?

Дубельт

Чего бояться? Тишина — безрука.
Осмотр вещей — интимная наука.
И тишина при ней, как никогда.
Не затеряем праведных трудов,
Какие бы ни выпали мытарства,
Когда так о сохранности стихов
Болеет и печётся государство.

СЦЕНА 5

Наталья Николаевна (*сестре*)

Нашатыря мне. В комнате — чужие.
Ужель нет переписки поважней?
Прошла вся просвещённая Россия,
А в доме и темней, и холодней.

И, право, негде сердцу отогреться,
Слёз больше нет, учусь теперь молчать.
И, кажется, печать стоит на сердце,
Как глыба льда, ВЕРХОВНАЯ ПЕЧАТЬ.

В бумаги погрузились... джентльмены.
Где этикет? Невежества предел!
Простила б, если б Саша был военный
Иль бунтовщик безумно-дерзновенный,
А то ж ведь защититься не сумел.

Александра Николаевна
(вытирая слёзы)

Где там умел? Да он лягушек
Вёрст за пятнадцать обходил.
И всю росу лесных опушек
В усадьбу утром приносил.

Светился... Слушаешь, как сказку,
Его взволнованную речь.
Но где для нас искал он ласку —
Туда и тройки не запречь!

И вместо солнца — век затмения,
Тревожно, жутко и темно.
Сидим с тобою без движенья —
А ведь кому-то всё равно.

Наталья Николаевна

И декабрём двенадцать пролетело,
И был допрошен в оные года.
Живому — дело, мёртвому шьют дело,
Не ворошите память, господа!

Да, посланы... да, вы не виноваты.
Куда ни глянь — и тот, и этот прав.
Жуковский... Дубельт — верные солдаты,
А раз на службе — соблюдай устав.

Кто дал вам право, недруги и други,
Глубины душ мундиром оскорблять?
Вы сами шлёте пули и недуги,
Пуская вслед жандармскую печать.

Вскипает страсть к оставленным бумагам,
У конвоиров творчества — вдвойне.
Так варвары не рвались к саркофагам,
Сквозь стены, чуя золото на дне!

Скорее бы закончили всё это.
Нет больше сил — почти что не живёшь.
При жизни — жизнь отняли у поэта,
И после смерти — вежливый грабёж.

Александра Николаевна

Не надо. Успокойся, ради бога!
И всё-таки при зоркости орла
В Михайловское... новая дорога
Со всех концов России пролегла.

Наталья Николаевна

Дорога! А со мною — ребятишки.
Все четверо! В хозяйстве сколько дыр?!

Александра Николаевна

Я посижу, покуда им — за книжки.
Ребёнок с книгой, значит, вышел в мир.

Наталья Николаевна

Голубушка!

(подходит и обнимает сестру)

СЦЕНА 6

У Вяземских.

Жуковский

Я так устал... Теперь бы на год — сна!

Вяземская

Возьми флакон. Виски натри духами.
Как Натали?

Жуковский

Бледна и холодна.
И не к кому на исповедь с грехами.

Вяземская

Ты раздражён. Зачем такой укор?
Не сам вчера ли в качестве примера
Читал: СУДЬ-БЫ СВЕРШИЛСЯ
ПРИ-ГО-ВОР...
И похвалил за смелость офицера.

Да, кстати, кто он?

Жуковский

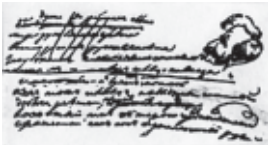
Истинный гусар!

Вяземская

Но до чего ж язвителен, Василий!

Жуковский

Боюсь я, Вера, как бы этот дар
Заране царедворцы не зарыли.

Его стихи — гроза среди зимы,
Они сразили многих, кроме франта.
И, если в Лету не сорвёмся мы,
Почуем сердцем магию таланта.

Вяземская

Храни, господь! Чужой, а стал-то наш,
Хотя его не видела ни разу.

Жуковский

Ты — лекарь... А возьмусь за карандаш,
Пейзажем одарю за эту фразу.
Ну, мне пора! Не спать сегодня мне.
А это... познакомься в тишине.

(Подает ей свёрнутый в трубочку лист со стихами
Лермонтова)

СЦЕНА 7

Жуковский у себя дома. Поспешно разрывает конверт, подписанный Бенкендорфом.

Весть любопытна. Я б сказал, весьма!
Она страшней внезапного удара.
Анчарный вид у этого письма
И логика дворцовского анчара.

Но я противоядие принял:
Пока спасает царская ливрея.
И я не новобранец, генерал!
Вытягиваться в струнку не умею.

Ведь каково?! (*перечитывает вслух*)

«...бумаги, могущие повредить памяти Пушкина, должны быть доставлены ко мне для моего прочтения. Мера сия применяется отнюдь не в намерении вредить покойному в каком бы то ни было случае, но единственно по весьма справедливой необходимости, чтобы ничего не было скрыто от наблюдения правительства, бдительность коего должна быть обращена на всевозможные предметы. По прочтении таковых бумаг, ежели таковые найдутся, они будут преданы огню в Вашем присутствии».

Огня! — кричат: — Огня! Идут с огнём.
Какая государственная смелость.
Стихи четвертовали при живом,
Теперь от них вам пепла захотелось?!

О памяти вам тут ли говорить?
Неслыханная лживость откровенья.
Вы, торопясь в глуши его зарыть,
Ещё при жизни жаждали забвенья.

То посылали в степь на саранчу,
То объявляли мерзким дуэлянтом...
Что многое прощаешь палачу,
Того я не прощаю аксельбантам!

А рукописи — будете читать,
В любой строке — вынюхивать крамолу.
На гения — не выставить печать,
И описи он чужд, и протоколу.

Неиссякаем свет его души,
Прорвётся он сквозь тернии цензуры.
Живёт литература на гроши,
Где золото — там нет литературы.

(Гасит свечи. И долго лежит, в постели, не засыпая)

СЦЕНА 8

В кабинете.

Жуковский

Мне тяжело бумаги разбирать.

Не то чтоб страх — волнение одолело.

Дубельт

Василь Андреич! Можете... в кровать,
А мне, как радость, начатое дело.

О сколько манускриптов! Боже мой!
 Есть что читать Романовым зимой.
 А то, признаться, наши донесенья
 У сфинкса могут вызвать озлобленье.

Жуковский

Вы правы, повсеместно нужен глаз,
 Чтоб дух зловредный выбить в человеке:
 То Польша, то Сибирь, теперь Кавказ —
 Пронумеруй-ка судьбы в картотеке!

Не как-нибудь, чтоб лучший каллиграф
 Трудился над заданьем, замирая,
 Поскольку то досье представит граф
 Пред очи венценосца Николая.

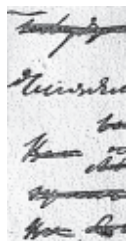
Дубельт

Представьте, так... Быть может, ваш архив.
 Когда лет сто, к примеру, проживёте,
 Не будет так печально-сиротлив:
 Царя... в душеприказчики возьмёте.

Мундирам голубым хвала и честь,
 Не подведут ни слух, ни зоркость глаза,
 Чтоб греческо-французская зараза
 В Россию не сумела бы пролезть.

Жуковский

Куда теперь от света? Видит бог!
 Вопросами замучают до смерти:
 Подай ненапечатанный стишок,
 Любовное послание в конверте,

Записку, эпиграмму, мадригал,
 Где он страдал иль мучился, печалась,
 Такие, чтоб лишь автор их читал,
 И те, кому они предназначались.

Дубельт

Секрет, Василь Андреевич, секрет!
 У нас — наиважнейшая задача,
 У сплетников и сплетниц чести нет:
 Свет-правду дай — во тьму переиначат.

Я с публикою всяческой знаком:
 Лжецы молчат, витийствуют пророки,
 Когда мы в Отделении берём
 У их же откровенности уроки.

Позвольте, а у вас что за пакет?
 Обложка интересного издания.
 Пером рисунки... Женский силуэт...
 Знать, копия предмета обожанья.

В ней что-то от графини есть НН,
Прекрасен стан и бюст не без изъяна.
Винил Дантеса, сам был у колен,
Большой знаток любовного романа.

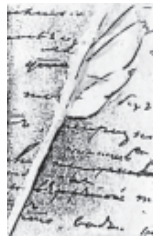
Василь Андреич! Письма отложить!
Собратьям по перу о них ни слова.
Так мило, что разбор ведут мужи,
А то бы побледнела Гончарова!

К чему ей правда в пустоватый след,
И так отбилась, бедная, от света.
И, на Парнасе счастья не нашед,
Забудет телом бойкого поэта.

Ж у к о в с к и й

Жизнь человека — дьявольски сложна,
И путь его то в солнце, то в тумане...
Конечно, будет чья-нибудь жена,
Детей поднимет и сама воспрянет.

Но на душе останется пятно,
Не смыть его горячими слезами.
Погиб поэт. Он в будущем давно,
А мы над словом мучаемся с вами.

Дубельт

Мечтаете... А молодость строптива.
Кто ей откроет двери госархива.
Да и зачем в гробах будить века —
Пусть здесь умрёт крамольная строка!

СЦЕНА 9

Квартира Дубельта. Генерал за столом без мундира.
Просматривает газету.

Жена

Леон! Опять за истиной спешишь?
Ты ближе к ней, она ещё далече...

Дубельт

Что делать? Петербург стал, как Париж,
И якобинцы... требуют картечи.

Но мы при гуманизме при своём
Надеемся на благостное что-то:
Такие, мон ами, верёвки вьём,
Что рвутся иногда у эшафота.

Позор! И всё от слабости руки.
А вот мужик не только знает межи.

Да он в лесу петлёю из пеньки
Под корень дуб столетний перережет.

Не то что наши шеи.

Ж е н а

Бог, избавь!

Д у б е л ь т

Избавит при системе арестантской.
Бунтовщиков на подвиг лишь возглавь —
Учинят суд, как в «Дочке капитанской».

А надо бы силёнкой поиграть
После того... декабрьского взрыва.
Когда в дому и тишь, и благодать —
Что правда? Даже ИСТИНА сонлива.

Сибирь для духа — превеликий рай,
Кавказ для духа — вижу, пользы мало.
Стреляешь в дух — так сразу выпускай!
Как говорят, чтоб духу не бывало.

Под крыльями двуглавого орла
Вольготно поживает «Современник».
Что для него Фаддеева «Пчела»?
Хотя «Пчела» нектар берёт из денег

Огромной государевой казны...
Жужжит, как трутень, золото съедая.
Усопшему укусы не страшны,
Но братия, пожалуй, там такая.

Масонствуют, слетаются в кружки,
В своих стихах клеймят тиранов мира.
А разглядеть их ближе: Босяки!
Без совести, без чести, без мундира.

Ж е н а

Да, ты устал. Излишне говорлив.
Что приказать подать тебе на ужин?
Надеюсь, надоел тебе архив?

Д у б е л ь т

Наоборот. До запятой мне нужен!
До ЗА-ПЯ-ТОЙ...

Ж е н а

ДО ЗАПЯТОЙ? А разве ты лингвист?
Что толку рыться в письмах африканца.
Уже тебя не вдохновляет вист,
Лицо давно отвыкло от румянца.

А, может, развлечёмся? Погостим?

Д у б е л ь т

И не проси! Еще прочту страницу.
Ты помнишь, как спасали гуси Рим?
А мне спасать приходится столицу.

Что Петербург? Весь набожный народ
Мы отлучим от пишущею брата.
Романовы за мною и Синод,
Лжепатриотам — сырость каземата.

Рыдает по изменникам петля,
И топору, пожалуй, снятся шеи.
С их смертью очищается земля,
А ты про вист... когда вокруг злодеи.

СЦЕНА 10

Жуковский у себя дома. Один.

Эх, святогорец... Знал ты или нет,
Что трудно трон раскачивать стихами,
Когда один Дантесов пистолет
Свет поменял на мрак перед глазами.

Не знал ты, что холодная рука
Листать начнёт горячие страницы,
Холодная, как сталь того курка
Холодная, как зимний вид столицы.

И даже я, хоть близкий, но чужой,
Приставленный к бумагам для знакомства,
Был в этот день буквально как больной
При виде рукописного сиротства.

Располовинят бесы, разнесут
Стихи, наброски... Знаем этих хватов.
Да мало ли какой вельможный плут
Добавит дегтя в чувства адресатов.

Спи, святогорец. Тень монастыря
Не вечна над останками твоими.
Уже встает прекрасная заря,
Что призывал ты вместе с пятерыми.

Но что тебе мой запоздалый бред,
Когда при жизни я склонил колени...
А сыщикам лишь укажи на след —
Они его разнюхают у тени.

СЦЕНА 11

Кабинет канцелярии. Булгарин — весь внимание.

Дубельт

Как поживает «Северная пчёлка»?
До медосбора — целая зима.
Люблю «Пчелу», не веря кривотолкам,
Не орган, а сияние ума.

Давно у нас окрепли узы дружбы,
 И вы, и Греч наладили печать.
 Домой придёшь, забудешь тяжесть
 службы.
 И — весь в неё! А что еще читать?

Набили нам оскомину Вольтеры,
 И «общества» утратили престиж.
 Мне хочется, чтоб наши офицеры
 Поглядывали меньше на Париж.

Булгарин (*громко*)

Стараемся!

Булгарин (*про себя*)

И врёт же, изверг, тонко и толково,
 В уздечке держит голубую рать.
 Что человек? На дыбу вздёрнет СЛОВО!
 И гласные заставит закричать.

Дубельт

Не правда ли, печать милей и тише
 Без прожекторских бредней пятерых?
 Но что-то ваша братия... не пишет
 О доблести мундиров голубых.

Пора! О нашем воинстве пошире,
Желательны — рассказ или роман.
Хоть штатский вы, но всё-таки в мундире:
Поручик — нынче, завтра — капитан.

Б у л г а р и н

(про себя, перебирая экземпляры свежей газеты)

Послушаем. Редактор есть редактор.
И «Пчёлка» не «Пчела» ему, а «Тля».
Палач души... Но промолчим для такта,
Во имя государева рубля.

И ем, и пью, и есть на развлечение,
Зван на обеды, выставлен в кортеж.
Живи! А колесница Отделенья
Мятежных давит. Мне зачем мятеж?

Д у б е л ь т

Задумались?

Б у л г а р и н

Я... понимаю. Слугами престола
Займётся непременно персонал.
В моих руках писательская школа,
Где каждого — я правде обучал.

Научены! Увидите воочью,
Ну, как своих собратьев не беречь,
Когда они глухой, безлунной ночью
Найдут слова, не зажигая свеч!

Сдадут в набор торжественные оды,
Сердечный жар положат на алтарь.
И подлинным защитникам свободы
Не раз окажет милость государь.

Дубельт

Работайте. Хорош ваш «Самозванец».
Высокий штиль. Серьёзность. Глубина.
Зря пыжился покойный африканец:
По-разному прочли Карамзина.

Юродливость повсюду в «Годунове»,
Прямая пугачёвщина в статьях.
И, господи, грозил первооснове —
И был в долгах, как старый пёс в репьях.

Булгарин

Бессребреник-с.

У них лихая зависть...

Нас учат и потомство — норвят.
И памятники просят, не стесняясь,
Так-с... Наглецы — от головы до пят.

Дубельт (про себя)

Вот гуманист — и говорлив, и весел.
С такими не сыграешь в поддавки.
Они уж как повесят — так повесят,
И жертву вниз потянут за носки.

Врозь разведут — для большего эстетства
Окинут оком — ровно или нет.
И — нет литературного наследства,
А если есть — один его макет.

Дубельт (вслух)

Да кто поставит памятник? В уме ли?
В России нет финансовых глупцов.
Ну, разве что одесские мамзели,
Но все шкатулки запер Воронцов.

Мы были у глашатая народа,
Все чаянья держал в своём столе.
Ах, сколько там лирического мёда!
Его бы в зиму — «Северной пчеле»!

Б у л г а р и н

Читатель был бы очень благодарен,
И вам бы... отписали гонорар.

Дубельт

Неплохо бы-с... Но послан государем.
Не мёд его волнует, а нектар.

Булгарин

Счастливец вы! Архивец — прямо в руки!
Над каждым — исчезает ореол.
Служитель муз, иль деятель науки
Для многих — тайна, перед вами — гол.

Дубельт (улыбаясь)

НАГОЙ, свет Венедиктович! НА-ГОЙ!

СЦЕНА 12

В Зимнем дворце.

Николай I

Не всё читать положено потомству.
Итак, бумаги вымарал с лихвой.
И знать не надо нашему холопству,
Что есть ещё Сальери и Скупой.

Пётр у него не Пётр, а Медный Всадник,
Шаржирован державный властелин.

Холеру смяли. Есть ещё рассадник...
Но, слава богу, клином выбит клин.

Я просмотрю бумаги на досуге.
С «наследством» там работали вдвоём.
Благодарю вас, сударь, за услуги.
Его архив с супругой перечтём.

И вот ещё... На службе вы исправны,
Но, чтоб узлом не завязалась нить,
Нельзя ли у Натальи Николаовны
На МОЁ ИМЯ что-то испросить?

Я знаю женщин... Это не догадки.
Я вижу их деяния насквозь.
Представьте, что она до опечатки
Изъяла то, что Н А М не удалось.

Но только тонко, тонко, элегично.
Ранимо сердце в трауре в стократ.

Бенкендорф

Судьба её, действительно, трагична.
Мы снимем грусть. У нас надёжный штат.

Николай I

Не вздумайте послать туда мужланов!
Над «i» нам точку выставить пора.

Бенкендорф

Я понял вас... Пошлю певца туманов,
Она ему по чувствам, как сестра.

Воспоминанья — без конца и края.
Из юности, из творчества пример...
И за десертом, плача и вздыхая,
Вдова ему откроет секретер.

Николай I

Вы — дипломат. Неплохо бы, ей-богу!
Троянского коня пускаем в ход?
Как жаль, что не увижу недотрогу
В ближайший бал... Печальный нынче год.

СЦЕНА 13

В кабинете. Окончание осмотра.

Дубельт

Подходит наша миссия к концу.
В бумагах всё — и распри, и раздоры.
Но отчего-то, видел по лицу,
Взволнован Александр Христофорыч....

Жуковский

Быть может, граф от зоркости ослаб,
Ведь под охраной — только ли Россия...

Дубельт

Хворь не берёт! Живуч, как баобаб.
В Санкт-Петербурге — корни золотые.

...По-моему, мы с вами не учли,
Придерживаясь буквы предписанья,
Что есть еще ЖИВАЯ Натали —
И не одни ж при ней воспоминанья.

Жуковский

Вы думаете: рукописи есть?
Да, что вы? Море слёз, долги и дети.
Великое убийство перенести
Не пожелаю недругу на свете.

Дубельт

А кто желает? Сам тому не рад:
Всю жизнь за маскарадом — маскарад.
Вы — сочинитель, я вот... генерал.
Нам чай бы пить. Да царь сюда послал!

ПОСЛАЛ-С!

Жуковский

Не трогайте вдову. Я вас молю!
 Весь Пушкин здесь — от смерти до Лицея.
 Я сам её за что-то не люблю.
 Эх, красота... Да полно, ангел с нею.

Погиб поэт. Велик он или мал —
 История подскажет нам под старость.
 И тот, кто часть трудов его забрал,
 Возможно, для других готовит радость.

Киргиз ли это будет, эскимос,
 Или араб под знаком Зодиака...
 Поэт всегда исследовал ВОПРОС,
 Чураясь восклицательного знака.

К мундиру... звёзд не раздобыл поэт,
 Не дорожил сановного любовью.
 Печаль — беззвёздна, правда — сеет свет,
 За них пришлось расплачиваться кровью.

И в этом я навеки поражён,
 Я, воинство воспевший и парады.
 А он почти с младенческих времён
 Уже смотрел сквозь пальцы на награды.

Дубельт

Василь Андреич! Вас не узнаю.
На днях вы в кабинет войти робели.

Жуковский

Робел... Робел... Я чувства не таю...

Дубельт

Ну, полноте. Вон щёки заблестели.

Жуковский

Я... у его... бессмертия стою.
И счастлив я, что был у колыбели.

Расширится его псковской уют.
Весь мир ему откроется со взгорья.
И улыбнётся кот у лукоморья,
Когда певца из бронзы отольют.

Вот видите... На сердце отлегло.
Но я вас не оставлю без ответа:
Отечество нам... Царское Село,
А у него Отечество — ПЛАНЕТА.

И не в Дантеса он стрелял.
 Не жгла так больно честь мундира.
 Самодержавье наповал
 Хотел сразить романтик мира.

За тот декабрь, за тот июль,
 За петлю ту, что дух сжимала,
 Чтоб Русь
 Без виселиц и пуль
 ГЛАГОЛОМ нации сближала.

*

Единственная газета в мире

Виктору Рассохину
 и
 Любови Я. В. Буцкаль
 25.10.2017
 Шриф. Сер. Орел.

ПРАВНУКИ
 А.С. Пушкина
 и Д.В. Давыдова